

ЭХО ЧУЖОЙ ТАЙНЫ

ТРИЛЛЕР О ДЕВУШКЕ-ПСИХОЛОГЕ

ДАНИЛЬ САЯХОВ

Даниль Сяхов

Эхо чужой тайны

«Автор»

2026

Саяхов Д.

Эхо чужой тайны / Д. Саяхов — «Автор», 2026

Психолог Алина Соколова привыкла вытаскивать людей из кризисов, оставаясь в безопасности своего кабинета. Но один ночной звонок от загадочного клиента втягивает её в смертельную игру с теневым синдикатом, контролирующим городскую систему слежения. Оказавшись под прицелом профессиональных киллеров, Алина должна разгадать зашифрованное послание из своего же профессионального прошлого. В мире, где каждый шаг фиксируют камеры, её главным оружием становится знание человеческой психики и умение просчитывать поведение хищника.

© Саяхов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭХО ЧУЖОГО МОНОЛОГА	6
Глава 1. Протокол тишины	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Даниль Саяхов

Эхо чужой тайны

От автора (Дисклеймер): Все персонажи, названия ведомств, закрытых структур, компьютерных алгоритмов и подразделений в данной книге являются плодом художественного вымысла. Любые совпадения с реальными людьми, должностями, государственными или частными организациями и событиями абсолютно случайны. Произведение написано в жанре остросюжетного художественного триллера и не отражает деятельность реальных государственных органов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭХО ЧУЖОГО МОНОЛОГА

Глава 1. Протокол тишины

Осенний дождь превращал вечернюю Москву в бесконечную вереницу дрожащих рубиновых и янтарных огней. По стеклу панорамного окна на четвертом этаже старого кирпичного особняка на Покровке лениво стекали тяжелые капли, разрезая отражение теплого света торшера.

Алина Соколова сняла очки в тонкой титановой оправе, устало потерла переносицу и бросила взгляд на настенный хронометр. 20:54.

В кабинете пахло сушеной лавандой, полированным дубом и едва уловимой горечью миндаля — ароматом, который источал дорогой крем для рук. Это пространство Алина выстраивала пять лет: звукоизолирующие панели под темно-зеленым сукном, два глубоких кресла песочного цвета с анатомической поддержкой спины, отсутствие зеркал и резких углов. Здесь клиенты должны были чувствовать себя как в батискафе на дне океана: внешний мир шумит, но сюда ни одна волна не доберется.

Она сделала глоток остывшего чая с мелиссой и развернула к себе экран ноутбука. На сегодня оставался один сеанс.

В электронной таблице расписания стояла короткая запись: 21:00. Аудиоконсультация. Клиент: «Виктор».

В графе «Запрос» значилось всего одно предложение: «Острая тревога, дезориентация, хроническая бессонница на фоне профессионального выгорания».

Алина не любила работать без видео. Мимика, микродвижения век, напряжение трапециевидных мышц, поза рук — всё это давало семьдесят процентов информации о психоэмоциональном статусе. Но клиент, записываясь через форму на её сайте тремя днями ранее, категорически отказался от видеосвязи, сославшись на закрытый статус работы и параноидальный страх утечки изображения. Он даже внес двойной тариф на счет за право остаться безымянным голосом.

Психотерапевтическая этика позволяла подобный формат при первичной стабилизации, если пациент находился в пограничном состоянии. А судя по скупым комментариям к анкете, мужчина был на грани панического срыва.

В 21:00 на мониторе всплыло уведомление закрытого протокола голосовой связи.

Алина надела гарнитуру с узконаправленным микрофоном, расправила плечи и нажала зеленую кнопку ответа.

— Добрый вечер, Виктор. Меня зовут Алина Соколова. Как вы меня слышите?

В наушниках стояла глухая, неестественная тишина. Ни шума улицы, ни шороха одежды. Лишь через пару секунд донесся звук судорожного, поверхностного вдоха — так дышит человек, которому только что приставили дуло к груди.

— Слышу, — голос оказался низким, с густым баритональным тембром, но слова вылетали рвано, словно сквозь стиснутые до крошева зубы. — Я... простите. Мне не следовало звонить. Я сейчас нажму отбой. Это была чудовищная глупость.

— Виктор, подождите, — мягко, но с выверенной терапевтической настойчивостью произнесла Алина. Её голос звучал ровно, как метроном. — То, что вы чувствуете желание прервать контакт в первые секунды — абсолютно нормальная защитная реакция психики. Мозг пытается удержать привычную зону контроля. Но вы здесь, вы сделали этот шаг. Давайте договоримся: просто побудьте на линии пять минут. Не обязательно рассказывать всё. Расскажите о том, что происходит с вашим телом прямо сейчас.

На том конце послышался металлический звук. Короткий, упругий щелчок пружины, а затем сухой стук захлопывающейся крышки: Клац. Щелк. Пауза. Снова: Клац. Щелк.

— Мое тело? — мужчина издал сдавленный, дребезжащий смешок. — Мое тело третий день не чувствует вкуса еды, Алина. Кофе на вкус как машинное масло. Руки трясутся так, что я не могу попасть ключом в замок зажигания. И этот тремор не купируется ни феназепамом, ни алкоголем. Алкоголь я, впрочем, не пью. На моей работе за затуманенный рассудок платят вылетом из обоймы. А в моем случае — вылетом из жизни.

— Вы держите в руках зажигалку? — спросила Алина, делая пометку в блокноте: «Выраженная соматизация тревоги, компульсивное моторное действие для саморегуляции».

— Нет. Часы, — глухо ответил собеседник. Пальцы снова щелкнули механизмом. — Карманный «Буре» деда. Серебряные, тяжелые. На крышке гравировка: роза ветров и латинское слово «Veritas». Истина. Дед получил их за службу на границе. Он всегда говорил: «Часы и компас никогда не лгут, Витя. Лгут только люди с большими полномочиями».

— И сейчас вы чувствуете, что вокруг вас — ложь?

— Вокруг меня не ложь, Алина, — голос мужчины вдруг упал до зловещего, вибрирующего шепота. — Вокруг меня мясорубка. Цифровая, стерильная, абсолютно безжалостная. Скажите... эта линия действительно безопасна? Вы используете шифрование? На вашем роутере стоит стандартный пароль от провайдера?

Алина слегка нахмурилась. Параноидный радикал? Мания преследования?

— На моем оборудовании стоит профессиональное шифрование, Виктор. Но главное — закон о конфиденциальности. Всё, что озвучивается в рамках сессии, защищено профессиональной тайной. Я не веду аудиозапись.

— К черту ваши правила! — внезапно сорвался мужчина на крик, и в его голосе прорезалась неподдельная, животная паника. — Ваши законы действуют для мелких воришек и семейных скандалистов! Против «Зеркала» они не работают! Вы думаете, я сумасшедший? Думаете, перед вами очередной конспиролог с шапочкой из фольги, начитавшийся форумов в даркнете?!

— Я не выношу вам диагнозов, Виктор. Я слышу, что вы испытываете колоссальный, разрушительный стресс.

— Да потому что я сам писал для них алгоритмы классификации целей! — выпалил он, и этот крик прозвучал как вспарывание нарыва. — Понимаете вы это своими профессорскими мозгами или нет?! Шесть лет! Шесть проклятых лет я был старшим инженером закрытого аналитического холдинга «Спектр»! Мы разрабатывали подрядный контур нейросетевого распознавания нетипичного поведения для инфраструктурной безопасности. Официально — для предотвращения техногенных аварий и поиска преступников.

Щелчки часов прекратились. В трубке слышалось только свистящее, прерывистое дыхание. Алина застыла с ручкой в руке, чувствуя, как по спине медленно ползет неприятный холодок. В интонациях мужчины не было театральности, свойственной истероидам, или путаницы мыслей, характерной для шизофреников. Его речь была пугающе связной, терминологически выверенной и плотной.

— Виктор, если ваша работа связана с закрытыми разработками... — осторожно начала она.

— Нет там больше никакой защиты закона, там частная лавочка по торговле смертью! — перебил он. — Две недели назад я обнаружил внутри нашей архитектуры нелегальный теневой модуль — протокол «Фантом». Наше руководство встроило бэкдор в городские подсистемы. Он объединяет данные с камер трафика, коммерческую биометрию и логи частных клиник. Но самое страшное — он дает нелегальный доступ к периферии. Дистанционный взлом каншины современных автомобилей. Перегрузка умных сетей. Подмена электронных назначений в базах. Они продают ликвидации неугодных бизнесменов и свидетелей теневому синдикату за

огромные деньги в криптовалюте! Убирают людей так, что у экспертов не возникает ни единого вопроса! Инсульт, ДТП, несчастный случай на производстве, бытовое отравление газом!

— Кто «они»? — вопрос сорвался с губ Алины прежде, чем включился профессиональный барьер самосохранения.

— Куратор нашего закрытого сектора безопасности. Полковник в отставке Илья Коршунов. Человек без лица и без нервов, создавший внутри Департамента информационной защиты собственную частную армию. Три дня назад погиб мой непосредственный руководитель, директор департамента Багров. Официально — острая сердечная недостаточность прямо за рулем служебного седана. Но Багров бегал полумарафоны, у него сердце было как у космонавта! Я залез в логи контроллера за час до аварии. Был внешний радиоперехват. Коршунов убрал его, потому что Багров вскрыл коммерческие счета Коршунова и готовил материалы для передачи в прокуратуру и следственные органы!

— Виктор, остановитесь, — тихо, но жестко сказала Алина. — Пожалуйста. Если то, что вы говорите — реальность, вы подвергаете смертельной опасности не только себя, но и меня. Зачем вы рассказываете это случайному психологу?

На другом конце повисла тяжелая тишина.

— Потому что я не могу нести этот ад один, — ответил он почти шепотом, и в его голосе проступили слезы бессилия взрослого, сломленного мужчины. — Я не герой. Я обычный математик. Я хотел семью, дачу, яблони сажать... А вместо этого я держу в руках дампы всей теневой базы «Фантома» с именами заказчиков. И если наемники Коршунова меня возьмут — а они меня возьмут, потому что под моим подъездом уже два часа стоит неприметный серый фургон его службы безопасности — этот архив исчезнет вместе со мной.

— Обратитесь к официальным правоохранителям. В внутреннюю безопасность. В прессу, — быстро произнесла Алина, ощущая, как комната вокруг неё теряет привычный уют.

— Вы как ребенок, Алина, — горько усмехнулся Виктор. — В прессу? Любой файл, отправленный через мою домашнюю сеть, перехватывается за две десятых секунды фильтрами Коршунова. Я просто не дойду до здания следствия живым. Я зашифровал данные в закрытый контейнер. Пароль... пароль знает только тот, кто умеет смотреть на правду.

Вдруг в динамике гарнитуры раздался странный посторонний шум. Сухой, резкий треск, похожий на звук открывающегося электронного замка на массивной входной двери.

Дыхание Виктора мгновенно оборвалось.

— Они здесь, — сказал он. В его голосе больше не было паники. Осталась лишь ледяная, абсолютная пустота обреченного человека.

— Виктор?! Спрячьтесь! Вызовите полицию! — крикнула Алина, вскакивая с кресла.

— На левом запястье... — быстро, скороговоркой заговорил мужчина, удаляясь от микрофона. — Алина, запомните. У меня на левом запястье шрам от кислоты в виде полумесяца и татуировка с координатами маяка на Терском берегу. Запомните это! Если в новостях скажут, что я...

Грохот выбиваемой двери сотряс мембрану наушников. Звук упавшего металлического предмета — звонкий стук покатавшихся по паркету серебряных часов. Тяжелые, глухие шаги двух пар ботинок.

— Стоять, руки! — глухой, металлический окрик чужого голоса.

Короткий вскрик Виктора, возня, звук разбитого стекла и глухой, тяжелый удар чего-то мягкого о стену. Затем шорох, будто телефон подняли с пола.

Алина замерла, боясь сделать вдох.

В трубке послышалось чужое, размеренное, абсолютно спокойное дыхание. Тот, кто держал телефон, поднес его к уху.

— С кем разговор? — спросил вкрадчивый, ровный мужской голос с легкой хрипотцой. Алина не издала ни звука. Пальцы онемели.

Секундная пауза. Человек на том конце провода не стал повторять вопрос. Раздался тихий щелчок сбрасываемого соединения.

Пип. Пип. Пип.

Алина сорвала с себя гарнитуру и бросила её на стол. Экран ноутбука мигнул: диалоговое окно аудиосеанса закрылось, статус абонента сменился на «Не в сети», а через три секунды имя «Виктор» в мессенджере исчезло, сменившись системной серой плашкой: «Пользователь не найден».

Она стояла посреди пустого кабинета. За окном хлестал дождь по темным карнизам Покровки. В тишине комнаты громко и тревожно тикали настенные часы, отсчитывая секунды чужой оборвавшейся жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.